

Андрей Мансуров

**Три сказки о Городе Теней, и
одна – о прекрасной принцессе**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Мансуров А. А.

Три сказки о Городе Теней, и одна – о прекрасной принцессе /
А. А. Мансуров — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Город Теней... Это понятие стало почти нарицательным для фэнтези. Кто только о нем не писал! Подошел и мой черед собрать воедино то, что в разные годы создавалось – то как детская волшебная сказка, то как героическое, то - как остросоциальное фэнтези... Три сказки объединены общим местом действия, но для каждой этот Город - свой, другой. Потому что разные люди видят его по-своему, по-другому. Поэтому он настолько изменчив, настолько разный для каждого Героя, что и не может быть двух одинаковых Городов Теней! Как и единого способа разгадать их тайны, и преодолеть их Ловушки и Соблазны. Волшебная же сказка про капризную принцессу - просто сказка. Восточная.

Мансуров Андрей

Три сказки о Городе Теней, и одна – о прекрасной принцессе.

1. Нравоучительная и правдивая история о падишахе Рахматилло и его красавице дочке, или рассказ о том, что будь ты хоть семи пядей во лбу, никогда тебе не понять, чего хочет Женщина на самом деле...

(Турецкая народная сказка. Ну, или типа того.)

В одном не очень большом, но и не маленьком падишахстве, жил да был падишах. Назовём его Рахматилло. И была у него дочка – поистине воплощение грации и очарования! (Нет, мы вовсе не утверждаем, что во всём свете не было краше – чтобы, естественно, не обиделись и другие падишахи, у которых дочери – безусловно, тоже красавицы!..)

И так уж получилось, что сыновей-наследников Аллах милостивый и милосердный Рахматилло не дал.

Ну, понятное дело, Падишах в доченьке души не чаял – ей и самые, как говорится, сладкие сладости, и красивые украшения, и моднющие платья, (Пардон – паранджи!) и умнейшие учителя... А уж про Подарки на Дни Рождений – можно и не говорить.

Словом, выросла конкретно балованная коза. А уж красавица – без дураков!

Настал и тот момент, когда принцесса вошла, как говорится, в возраст, и расположилась в нём, если можно так сказать, основательно: не перезрела бы! Срочно надо пристроить её замуж, пока соседи-падишахи не стали уже в лицо (за спиной-то Рахматилло они уж давно...) прикалываться и смеяться: "Мол, что-то засиделась – твоя-то. Наверное, уж больно на папочку похожа личиком, и крутым нравом – никто поэтому и не порывается засылать сватов?.."

Да и внуков-наследников Рахматилло тоже было охота поняньчить... А то смотрит – все соседи имеют чем похвастать: у этого – пятеро, у того – трое, но уж такие, что съедают целого барана за обед. А у энтото – так и вообще на футбольную команду наберётся. Да ещё со скамейкой запасных...

А доченька разлюбезная и не чешется – «Замужество пока не входит в список моих приоритетов!»

Ну вот и стал наш Рахматилло, потихоньку так, исподволь, наезжать на дочурку.

Мол, стыдно перед людьми... Все мы в руках Аллаха, конечно... Но кое-что и сами должны делать – хотя бы для продления, так сказать, Падишахской династии! Ты уже взрослая... Вот, смотри в зеркало: реально – пэри восточная! Не то, что там у Махмуд-паши, или, Али-бека... Даром, что у них похожи – у одного на верблюдицу, у другого – на овцу! Так и то – нашли себе избранника. У Махмуд-паши – шустрые внуки полбороды повыдергали, а в конюшнях – семь «Феррари» да три «Мазератти»: так он их избаловал... У Али-бека – целая сборная по баскетболу: все внуки – как на подбор: рослые, статные.

А ты у меня – Первый Сорт! Конкретная, замечательная, неопикуемая красота! И что же ты никак не соизволишь выбрать кого-нибудь из претендентов? Вон, за нашей падишахской спиной уже шушукуются – и свои, и соседи: уж не больна ли чем?... А то – и того хуже – может, того... нетрадиционной ориентации?..

Словом, смотрит принцесса – её, кстати, Маликой звали! – действительно, подпёрло. Время! И перед соседями неудобно, и папочку жалко: старается ведь человек: всё-то у неё есть... Включая «Феррари». Теперь и мужа хорошо бы. И внучков-внучек...

Вот и говорит она:

– Папа! Я, конечно, понимаю наше положение... Статус, престолонаследие, престиж и прочее такое. И замуж выйти я согласна! Вот только мне не хочется выбирать себе какого-

нибудь тупоумного и балованного шахзоде-царевича, только и умеющего, что саблей из дамасской стали махать, на коне (Ну – то бишь – на «Феррари») лихо рассекать, да баранов на пирах жрать... А хочется какого-нибудь умного, хозяйственного – чтобы и падишахство в образцовом порядке содержал, и расчётливым был – знал счёт денежкам-то...

Короче – объяви Кастинг. Я придумаю какую-нибудь задачку потрудней, а кто лучше всех справится – тот и будет моим мужем!

Когда она так сказала, Рахматилло очень обрадовался!

Вот он идёт, собирает большой Диван, (Это такой Совет из мудрейших сановников при падишахе, а вовсе не мебель!) и говорит:

– Да возвестят на Базарах и площадях! Моя дочь готова выйти замуж только за самого достойного и умного из принцев-шахзоде! Мы загадаем претендентам мудрёную задачу – кто решит её, тот и получит дочь мою в жёны! Я сказал!

Сказано – сделано. Возвестили, прокричали, да в СМИ кастинг пропиарить не забыли... Понаехало принцев – видимо-невидимо.

Здорово поправили ситуацию с туристами в столице: ещё бы, ведь принц, он так устроен – один не поедет: с ним и свита, и кони. Значит – и овёс (Ну – бензин, то есть!) им надо. Да стойла роскошные. (То бишь – или охраняемые гаражи.) Ну, коням в-смысле. И – еду, и напитки подороже, да поблагородней, и комнаты получше. (Это – уже людям.) Да и не на один же день они приезжают! А заранее: «выяснить обстановку» – то есть, послушать придворные сплетни, по столице потолкаться, с её щедрыми базарами да старинными мечетями, чтоб оценить, стало быть, перспективы потенциально наследуемого Падишахства. Да посмотреть на остальных конкурентов-шахзоде... Словом, каравансарай-баши здорово поживились.

И вот настал долгожданный день – начался Кастинг.

Принцесса много мудрить не стала – приказала в огромном сарае высыпать несчитано-немеряно мешков с зерном, да сыпать до тех пор, пока зерно-то почти до крыши не дошло... Вот и приводит лично начальник падишахской стражи каждого очередного претендента в этот сарай, даёт осмотреться, зерно-то потрогать, а только затем – к падишаху.

Сидит наш Рахматилло на троне. Справа от него – любимая дочь-красавица, слева – Главный Визирь, ну, то есть, типа Премьер-министр на восточный лад. И рассуждают они так – кто вернее всех назовёт число зёрен-то, тот, стало быть, и самый реалистичный, и самый хозяйственный, и самый, значит, подходящий кандидат.

Вот приходит в тронный зал первый Принц. Принцесса смотрит на него, прикрыв личико, как положено, чадрой до самых глазок-то лучистых... Падишах тоже смотрит, но – грозно. Чтобы не расслаблялся. Визирь, с подобающими церемониями, раскланиваниями да расшаркиваниями, спрашивает:

– Будьте, дескать, любезны, многоуважаемый Принц-шахзоде, соблаговолите сказать, сколько, по-вашему, очень нас интересующему, мнению, зёрнышек пшеницы имеется в виденном Вами амбаре, э-э?..

Ну, тут конфуз вышел. Первый претендент, оказывается, дальше десяти тысяч (именно такое войско было у его папочки) и цифр-то других не знал. Да и сам был низковат: ростом, к сожалению, не вышел. И ещё с большой бородавкой на щеке.

Короче, пошептала принцесса что-то на ушко отцу... И попрощались они с первым кандидатом.

Второй принц уже оказался научен горьким опытом первого – выяснил у своей свиты, какие там цифры идут за миллионом...

Однако названное им число тоже не устроило высокую Приёмную Комиссию. Да и пузо у этого шахзоде свисало чуть не до колен. (Ещё бы, раз туда за раз помещалось до ведра плова и сорока палочек шашлыка!)

Третий претендент оказался дотошным занудой-ботаником.

Измерил рулеткой размеры сарая, воткнул в зерно, до самого дна, стальной щуп, промерил затем его длину. Скрупулёзно посчитал, сколько вот конкретно *таких* зёрен помещается в гранённый стакан, что-то потюкал на лаптопе, и только потом пошёл на приём к падишаху.

Ну, назвал он им свой результат, смотрит принцесса на его тщедушную комплекцию, и в его оснащённые очками в дорожной черепаховой оправе, подслеповато щурящиеся, глаза, и что-то опять шепчет папочке. И...

Его результат Рахматилло тоже не устроил.

Выходит тут четвёртый – статный, чернобровый красавец. Лихой, как про него известно, джигит и искуснейший рубака. Все служанки принцессы только про него в комнатах принцессы-то и говорили – что завидней жениха они и не видывали!

Вот задают ему традиционный вопрос, а он вдруг и говорит, сверкнув презрительно так чёрным соколиным глазом из-под густой брови:

– Не дело это шахзоде – зерно какое-то считать! Дело наследника Трона – считать срубленные головы врагов отца! А для зерна есть и казначей у мудрого Падишаха! А неверно сочтёт – так на одну некомпетентную голову короче станет, а падишах объявит кастинг. На вакантную должность!

Удивлён был Рахматилло таким ответом принца, хоть и внутренне посимпатизировал его храбрости и грамотному подходу к подбору кадров, да пожалел, что явно потеряет сейчас такого красивого и породистого потенциального зятя – вот чьи дети-то были бы и красивы, и статны, и храбры!

И тут слышит он, что шепчет ему на ухо принцесса, и брови его ползут кверху...

Встаёт Падишах со своего трона, и объявляет свою падишахскую волю:

– Твой ответ, шахзоде, признан нашей Высокой Приёмной Комиссией самым правильным! Ты получаешь руку принцессы и полпадишахства в приданное! Эй, там, кто-нибудь! Возвестите на площадях! Да скажите всем остальным кандидатам, что они свободны – Принцесса довольна Кастингом, и считает его законченным!..

Ну, дальше, как водится, сыграли свадьбу, праздновали сорок дней и ночей...

Через положенный срок появились у Рахматулло внуки и внучки, и жила Малика со своим избранником долго и счастливо.

А мораль этой сказки проста и банальна, как мычание: только женщина знает, чего она **ХОЧЕТ НА САМОМ ДЕЛЕ!**

И будь ты хоть семи пядей во лбу: если ты ей не мил – мужем её не стать тебе никогда!..

2. Волшебная история, повествующая, как шахзоде Анвар нашёл свою суженую. И что сделал, чтоб оказаться достойным её руки.

Арабская сказка. (Наверное.)

Любому Восточному Правителю, (Если только он – действительно – Восточный!) полагается гарем. Четыре законных, старших, жены. Десятки – младших. Плюс море наложниц. И, разумеется, трон свой отпрысками мужского пола для гарантирования преемственности, падишах Иброхимбек, уж постарался, скажем так – обеспечить.

Но, разумеется, самым любимым сыном являлся Первенец: сын от Любимой жены, Мафтуны. И звали этого юношу шахзоде Анвар.

Самый лучший охотник, самый просвещённый в науках, самый умелый воин – уж падишах-то обеспокоился найти наилучших учителей, да и сам не пренебрегал воспитанием наследника. Рубке на саблях, меткой стрельбе из лука, и владению всем остальным оружием из Арсенала тоже учил лично. И уж поблажек себе на возраст не делал!

Вот и получился из Анвара – смыслённый, грамотный, и могучий парень. А ещё и красивый и статный юноша! Ничего не скажешь – достойный наследник Трона.

Разумеется, папочка в первенце души не чаял. Всё, что душенька не пожелает, позволял делать. Любой каприз мальчика, а потом – и юноши, исполняли верные слуги с поспешанием: знали крутой нрав Иброхимбека.

Вот подошло время засылать сватов к каким-нибудь соседям – чтоб папа мог укрепить международное положение государства с помощью выгодного династического брака. А Анвар себе и в ус не дует: знай пропадает с друзьями в степях-лесах-пустынях: то журавлей-цапель бьёт на соколиной охоте, то – с загонщиками тигров добывает...

Попытался тогда Иброхимбек вразумить беспечное чадо: так мол и так, пора остепениться, да перенимать потихоньку бразды правления из его дряхлеющих рук. Да уж и самому сынуле нужно обзаводиться любимой жёнушкой, и наследником – внучком падишаха, то есть!

Анвар на папочкины увещевания всё посмеивался, да кивал на то, что, дескать, молод он ещё... Ну а когда стал не так молод, отговаривался тем, что невесты-дочери у соседей уж больно... Некрасивы.

Ну, тут Иброхимбеку возразить было, собственно, нечего: делегации уважаемых посольств, привёзшие сделанные с каждой потенциальной невесты картины-гобелены, шитые – у кого – драгоценным шёлком, а у кого – и заморским бисером, и правда: ничего радующего взор не показывали. Иброхимбеку оставалось только цокать языком, да с умным видом головой кивать, особенно, когда сынок-то говаривал, приобняв отца, приостановившегося перед очередным портретом:

– Папочка! Сам видишь – ну не судьба! Сам-то ты, небось, мамочку мою, жёнушку свою любимую, из-за тридевяти земель привёз. И уж советов соседей, да отцовских визирей, не слишком слушал!

Папочка остался в тронном зале – подумать-порассуждать с Диваном: (Это, как мы уже упоминали, такой типа Кабинет Министров при Падишахе, а вовсе не мебель!) как бы угодить взыскательным вкусам любимого сына. А сам сынок снова ускакал с толпой молодых друзей – детей остальной знати – на очередную охоту.

И решили они – для разнообразия! – пострелять пустынных серн-джейранов. На них они до этого не охотились никогда. Потому что редко кто из жителей столицы рисковал забираться в мрачные и неприветливые бесплодные просторы великой пустыни Каракорум, по которой и караваны-то не ходили, а двигались в многодневный обход.

Вот скачут они по бесплодным и тихо шелестящим под ветром пескам, (а пустыня эта всего в паре часов езды от Дворца находилась) час, вот скачут два – никак не попадают джейраны. Уже и время обеда прошло. Уже и вода во флягах-бурдюках кончается, и кони пеной покрылись... Ну вот нету джейранов, и всё тут!

Подумал шахзоде, что пора бы уж и объявить о возвращении: ночь надвигается, а ничего так и не высмотрели – даже степного шакала не встретили. Дикая, безжизненная пустыня, одним словом! Правильно люди делают, что сюда не ходят и не ездят – и не потому, что старики-мудрецы распускают нехорошие слухи о Духах этого неприятного места. И карах, которыми те наказывают нарушающих их покой...

И вдруг смотрят юноши – из-за ближайшего бархана выходит джейраниха. (Сразу поняли, что именно джейраниха – рожек-то, как у самцов, нету!) И такая прямо красивая: вся из себя – само совершенство! Стать – как у арабского скакуна, глазищи большущие, лучистые, так и сияют. А уж грация – шаг ступит, словно танец индийский танцует!..

Заулюлюкала тут свита шахзоде, заорала!

И пустились они в погоню. Скачут, подбадривают себя криками да прибаутками, стреляют из луков. Вот только попасть не могут – словно заговорённая попалась джейраниха:

стрелы будто чья-то рука отводит! И догнать никак не удаётся – то ли лошади подустали, то ли – копыта джейранихи лучше приспособлены для песка-то...

Заехали уж в самое сердце чёрной пустыни: устали, пот так и льёт – и с седоков, и с коней. Пенной бока благородных жеребцов покрылись, дышат тяжело, силы явно на пределе. Да и солнце восточное – это вам не шутки! Легко раскаляет эту самую пустыню до шестидесяти и выше. Словом, смотрят – ну никак не догнать! Остановились.

А джейраниха будто издевается – тоже остановилась. И этак перебирает ножками: типа, дразнит: мол, где вам, городским, со мной тягаться!

Бросились тогда снова в погоню: обидно же до слёз! Какая-то коза пустынная – да шахзоде с его лучшими помощниками-охотниками, нос утёрла!

Ну, догнать не догнали, а вглубь пустыни Каракорум ещё дальше заехали. Солнце уж начало опускаться, звёзды высыпали... Поневоле нужно остановиться на ночлег. Решили ночью никуда не ездить: и кони устали, и следы свои плохо видно. А как раз новолуние было, и без месяца, да на рыхлом осыпающемся на песке-то – ни зги всё равно не видать. А тут ещё тени злоеющие – словно обступают, и шушукуются о чём-то нехорошем между собой – дескать, вот повезло-то: сколько ослушников заветов мудрых аксакалов произведем сразу: другим-то впредь – наука!

Хотели юноши наши костёр развести, чтоб не так тоскливо было, да и на ужин кое-чего разогреть. А дров нет: думали, что за день управятся, выехали налегке.

Ну, пожевали то, что в мешках-то седельных нашлось, напоили коней-то. (А то ведь из пустыни-то дикой не больно пешком выйдешь – завязнешь!) Да и спать легли.

Часовых, однако выставить – мало ли что! – Анвар не забыл.

Утром, чуть солнышко озарило всё бодрым, и пока незлым, светом, смотрят – а нету никаких следов! Все их следы ветром пустынным замело. А дороги-то никто, конечно, в азарте погони не примечал. Ну и как теперь выбираться?!

Всё же решили, что просто поедут на восход солнца – вчера, как ни увлеклись погоней, а заметили, что солнце всё время в глаза било – на запад, стало быть, скакали...

Вот едут час, вот два – ни следа от коней, ни приметы какой, ни даже саксаула. (Это такое пустынное растение, не боящееся даже Духов пустыни да солнца, уж очень солнцестойчивое потому что, да и воду может корнями хоть из подземелий Мардука доставать, такие они длинные – а вовсе не то, что обычно понимают под этим словом невежды разные!) А ведь вчера, когда погоню вели – вокруг много его, саксаула, то есть, было. Да и верблюжьей колючки.

Ясно дело – заблудились.

Да только у кого в пустыне дорогу-то спросишь!..

Однако нашлось вдруг у кого.

На кромке небольшого бархана сидит черепаха. Большая такая, важная: гордо обводит вокруг взором – словно всё тут принадлежит ей, а гостей незваных она не приветствует, а просто ждёт: когда наконец уберутся, и перестанут нарушать её гордое уединение!

Подъехал к ней тогда шахзоде Анвар, и говорит, вроде, как в шутку: поприкалываться захотел, поддержать упавших духом спутников-то своих:

– Здравствуйте, ваше Высочество, черепаха пустынная! А не подскажете ли нам, заблудшим путникам, как нам в город Бадаркент попасть, столицу Горезмского ханства?

И вот отвечает им черепаха пустынная, да ещё приятным таким женским голосом:

– Здравствуй и ты, шахзоде Анвар! (И свите твоей тоже – привет.) Вот только дорогу я тебе не скажу, пока на поклянёшься ты словом шахзоде взять меня в жёны!

Принялись тут орать, да ругаться, возмущаясь, молодцы из свиты Анвара! Пока шахзоде, сам молчавший, да только на черепаху пристально смотревший, не поднял руку, велел им заткнуться. И ответил он тогда черепахе:

– Предложение твоё, уважаемая, по меньшей мере, странное. Да и не подобает оно мне, падишахскому сыну. Не могу я, наследник Трона и Престола, вот так, запросто, пообещать простой – не девушке даже, а черепахе! – взять её в жёны.

– Да чего с ней церемониться! – заорали опять спутники его, даже на песок многие посо-скакивали. – Убить её, да и поджарить! Проучим нахалку! Заодно и пообедаем!

Шахзоде даже рот открыть, чтобы остановить их, не успел, как вдруг повела этак легонько головкой граненно-чешуйчатой черепаха, да и молвит:

– В камни!

И точно! Не успел отзвук эха пустынного смолкнуть, как вместо придворных молод-цев-красавцев, да и их коней – камни пустынные лежат на песке: какой побольше, а какой – и совсем уж маленький... Опешил шахзоде, на секунду даже дар речи потерял. Затем взял себя в руки:

– Уважаемая госпожа черепаха! Приношу вам мои самые искренние извинения. От себя, да и от имени спутников своих порывистых, да плохо соображающих... Не могли бы вы, в знак прощения, вернуть им их человеческий облик?

– Отчего бы не вернуть, – говорит тогда черепаха, – Я вполне понимаю их горячность, и презрение ко мне, низкородной пустынной твари. Однако если ты, и правда, хочешь принести извинения, у нас, в пустыне, они не так делаются. Ты сидишь верхом, а я – вот она, внизу. И *ты*, словно бы *свысока*, просишь у меня прощения...

Не выглядит это извинение правдивым. А так – словно у вас во дворце: чванливо-высо-кородное лицемерие!

Вот если и правда хочешь извиниться, слезь с коня, да стань передо мной на колени – чтоб *моя* голова была выше *твоей*! И я поняла серьёзность твоих намерений, и искренность твоих извинений!

Призадумался Анвар.

Сроду он – отпрыск царских кровей! – ни перед кем на коленях не стоял!

Однако вспомнил – вспомнил, что это его идея была. Поохотиться в песках. Догнать джейраниху. И сам спутников не остановил, когда захотели балбесы эти порывистые убить черепаху. Значит, это именно он, как старший в их Команде, несёт полную ответственность за то, что натворили. И жизнь своих сотоварищей.

И если они не вернуться домой, к отцам и матерям, он просто не сможет смотреть тем в глаза. (Обычный шахзоде, такой, как их изображают в старых сказках, то есть – самовлюб-лённый и чванливый, конечно, гордо отказался бы. А, может, и послал бы наглуую черепаху. Куда подальше. Но Анвар – шахзоде не совсем обычный. И, может, как раз поэтому про него и сказка – не совсем обычная.)

Засунул тогда Анвар подальше, (туда, где солнце не светило – объясняем для непонят-ливых) свои амбиции и гордость, бессмысленную в такой ситуации. Слез с коня. Подошёл к бархану, где черепаха с царственным видом сидела. Встал и правда – на колени: так, чтоб его голова оказалась ниже черепашьей:

– Госпожа черепаха! Я, как виновный в неводержанности своих спутников, приношу вам от себя, и от их имени, покаянные извинения. И заверения в нашем нижайшем почтении. Обещаю: больше никому в голову не придёт убить и съесть вас.

– Ага. Смотри-ка. – в тоне черепахи прорезалось будто бы удивление, – А ты молодец. Чувствуешь свою ответственность. За своих людей. Да и вину перед их отцами, если полягут их чада здесь, в песках. Похоже, из тебя получится неплохой... Правитель... Со временем. Особенно, если остепенишься. Я имею в виду – женишься и заведёшь наследников. (Вот уж перед кем нужно нести ответственность!...) Ну да ладно.

А, кстати, почему это ты никого не выбрал в жёны до сих пор?

Подумал-подумал тут шахзоде, да и говорит (Ну, понял он, что видит его насквозь волшебная черепаха. Мысли его – словно в открытой книге читает):

– Не выбрал я, уважаемая госпожа черепаха потому, что не понравилась мне ни одна из тех достойных, безусловно, всяческого уважения и восхищения, кандидаток, что предлагал мне отец. Вот – не пришлось по сердцу, и всё тут!

– За честный ответ похвалю тебя ещё раз, отважный шахзоде.

А теперь хочу предложить тебе последнее испытание.

Взгляни на меня. Это ведь я, в облике джейранихи, завела вас сюда. А завела, чтобы проверить: может ли оказаться простой смертный достоин – меня! Смотри же!

Превратилась тут старая грязная черепаха в девушку.

Чуть не ослеп от удивления и её красоты неопишуемой, поражённый шахзоде!

О, Аллах милостивый и милосердный! Глаза – словно у серны, чёрные, глубокие, такие, что и утонуть в них можно! Стан – м-м-м!.. Стройней кипариса! А налитые выпуклости – ну, того, чему полагается быть налитым и выпуклым! – выше всяких мечтаний! А уж кожа... Белей благороднейшего белого мрамора каррарского.

Резануло Анвара прямо по сердцу. Да, видать, глубоко резануло: пришлось даже за него схватиться! А уж удивился он – дар речи потерял. Потому что нижняя челюсть отвалилась почти до пупка... (Шутка! На самом деле – только до воротника рубахи.)

Однако, когда пришёл немного в себя, (Ну так – шахзоде же! Не чета простым смертным!) спросил:

– Как же звать-величать тебя, о Пэри моей мечты? Прелестнейшая из дев?

– А зовут меня Камилла. Я – дочь повелителя Пустыни Борбасса. И если по нраву я тебе, – шахзоде сразу закивал: ему опять перехватило дыхание! – поезжай прямо на запад, пока не доберёшься до Города Теней. Если сможешь спуститься в его подземелья, да преодолеть все преграды и ловушки, что поставил на пути таких, как ты, мой отец, тогда встретишься и с ним самим. И сможешь попросить моей руки.

А сейчас – прощай! Вышло время, которое он отпустил мне на прогулку.

Камилла исчезла. А шахзоде только и успел подумать, что, оказывается, не только сыновей отпускают отцы порезвиться на охоте, а и... – как вдруг вокруг зачихали, зафыркали, зашикали... Это стали превращаться обратно в людей и коней камни, в которые обратила их дочь повелителя пустыни. Вернулись в первоначальный облик все – никого не перепутала милая путешница. А ведь – могла бы, как понимал сейчас Анвар.

– Отряд! Стройся! За мной, шагом марш... – Анвар теперь понял, где они находятся, и посчитал себя обязанным возратить всех домой лично. И убедиться, что все остались живы и здоровы. Маршрут ясен: раз Пэри его мечты приказала ехать за ней на запад, им сейчас нужно – в противоположную сторону. В город.

Спутникам его порывистым – по домам. Лечить ожоги солнечные, да отсыпаться.

А ему – предупредить отца. Собраться-снарядиться.

Да – в путь!

Три дня отсутствия сына должны были, вроде, напрячь падишаха Иброхимбека.

Однако почему-то не напрягли. Даже крошечки волнения не выказал он перед уважаемым Диваном, когда обсуждали они архиважные государственные дела, накопившиеся к моменту прибытия юных охотников.

А прибытие торжественным отнюдь не было: гордиться-то особо нечем. Ни добычи, ни веселья. Только пропылились все насквозь, обгорели, да устали. Да и коней чуть не до полу-смерти заездили.

И вот, только когда шахзоде убедился, что все друзья его отбыли по домам, да помылся как следует, чтоб не вонять потом – своим и коня – отправился он к отцу.

О чём уж они там говорили, и как проходила беседа, то никому не ведомо: потому что даже «уши стен» – а точнее, дырки, проверченные неугомонными советниками Иброхимбека, чтоб быть в курсе последних новостей и тенденций правления – заткнул изнутри падишах. Затычками. И знали все приближённые: это – серьёзно! Потому что рубил головы ослушников любопытствующих, вынимающих затычки, Иброхимбек – нещадно!

Однако рано поутру выехал шахзоде Анвар из главных ворот города. И выехал не на рысистом арабском скакуне, а на выносливом мерине – помеси тяжеловоза с дикой степной кобылицей. И было к его седлу приторочено бурдюков с водой – нечитано-немеряно, да продукты кое-какие. Сушёные. Недели, как сообщил главный повар остальным любопытствующим, на три...

Ну, про верный лук с полным колчаном, да саблю из дамасской стали упоминать не надо, полагаем – и так ясно, что уж не забыл их дома на стене с трофеями да оружием, шахзоде Анвар.

Вот едет он по пустыне день, едет два. (Помните анекдот про то, как персы поймали триста спартанцев, да предлагали принять их веру? Вот и здесь – то же самое. Однообразно и предсказуемо.) Когда на исходе оказалась вода для него и коня, добрался-таки шахзоде до Города Теней.

Хоть и не было здесь зданий в привычном смысле этого слова, сразу догадался Анвар, что это – Город Теней. Потому что только тени и вырисовывались перед ним в лучах предзакатного солнца: тени словно от дворцов, минаретов, лачуг бедняков... А самих зданий – ни следа! Обычного человека дрожь пробрала бы до корней мозгов от этого дикого зрелища! Но, как мы уже упоминали, шахзоде и не был обычным человеком.

Призадумался царевич: как же внутрь-то попасть?! Ведь нет никаких домов. Значит, и входов тоже – нет. Ходил туда-сюда, чесал отросшую чересчур за эти дни щетину бородки... Однако решил, что утро вечера удалее, и надумал заночевать прямо на базарной (А узнать её легко: она обычно располагается напротив дворца султана-падишаха, и это всегда – самое большое пустое место в любом восточном городе.) площади.

Стреножил мужественного коня Анвар, напоил, дал овса. Сам пожевал сухарей да вяленого мяса. Запил скупыми глоточками воды из своего последнего бурдюка. И невольно подумал: обратного-то пути, а, стало быть, и выбора, у него, да и у коня, нет.

Потому как негде им взять воды на этот самый обратный путь.

Значит, придётся найти решение загадки. Да преодолеть все препятствия и ловушки, что понаставил «на пути таких как он» многомудрый, хитроопытный, и вряд ли особо жалующий простых смертных, Борбасс.

Прилёг шахзоде прямо на песок, поднял глаза в бездонное ночное небо. Вот она – царица-луна, вот – точки ярчайших звёзд... Красиво горят.

Но глаза его возлюбленной – ярче!

Стал шахзоде тогда сочинять стихи, посвящённые Камилле – потому что глаза её затмевали ему и луну, и звёзды... Да и свет солнца, если уж быть честными! Вот такие уж они – влюблённые. Во все времена. И ничего-то с ними сделать нельзя. Потому как преодолагает все остальные чувства эта самая, никого не спрашивающая, и так внезапно возникающая...

Не заметил Анвар, как заснул.

Проснулся словно от голоса. Вернее – голосов.

Ругается словно кто-то. Мужчина и женщина.

Вскочил на ноги шахзоде. О! Вокруг-то – Город! Настоящий город – с базаром, лавками да лотками с товаром, людьми, верблюдами да ослиами, которых ведут в поводу фигуры, снующие по улицам тесным туда-сюда...

Понял шахзоде, что сработало древнее волшебство – словно ожил Город Теней!

Однако, когда попробовал спросить у ближайшего человека, что тут и как, понял, что не совсем всё же ожили древние стены и обитатели.

Потому что сквозь человека прошла рука Анвара, когда попробовал он задержать не слышащего его, и спокойно проходящего мимо него, мужчину в одежде стражника.

Призадумался шахзоде. Однако нашёл коня своего, растреножил, да двинулся, держа того тоже в поводу, сквозь строй бестелесных теней прямо во Дворец не то – султана, не то – падишаха. Прошёл мимо теней стражи дворцовой, сквозь анфиладу покоев шикарных, изукрашенных, да тенями роскошных ковров увешанных. Подошёл к трону.

А на троне – и сам властитель восседает. Ароматный зелёный чай из узорчатой пиалы попивает. И смотрит тут Анвар – за спиной повелителя, за троном, чернеет проход.

Сразу понял он, куда ведёт этот проход – потому что такой чёрной, (Простите за тавтологию!) угольно-чернильной черноты не видал он больше нигде и никогда!

Понял тогда шахзоде, что это – первое Испытание. Хочет проверить его Борбасс – достанет ли у потомка царских кровей силы духа войти в эту густую, словно вязкую на вид, похожую на самый тягучий клей, черноту?..

Но что же с конём-то ему делать?!

Ничего не придумал шахзоде лучше, как повести коня за собой.

И правильно сделал: как подул вдруг в тёмном тоннеле, как закружило! Ветер – словно ураган, поднятый крылами легендарной птицы Рухх! И если бы не держался за стремя верного коня шахзоде, так и вылетел бы обратно: к не то – султану, не то – падишаху в тень тронного зала!

Но преодолели они ветер!

И вот – оказались вдруг на улице... Обычного города! Ну, то есть – такого же, как столица царства Горезмского – родной Бадаркент.

А хорошо тут. Привычно. Солнышко светит. Люди идут. Верблюдов ведут, ослов. Да и каравансарай вон: открыт, работает.

Завёл коня туда шахзоде, сунул монету мелкую подскочившему конюху, препоручил скакуна, опасливо косящего на всё глазом, да настороженно похрапывающего, его заботам... А сам к каравансарай-боши пошёл.

Ну, монета, которую тому передал Анвар, уж не медная была – можете не сомневаться.

И когда показывал каравансарай-боши шахзоде его комнату, (Неплохую, кстати, и чистую!) стал Анвар задавать и наводящие вопросы. Он, мол, путник из *очень* далёких краёв. И ничего-то про этот Город и его жителей не знает... А хотел бы.

Ну, каравансарай-боши-то – мужчина ушлый да сообразительный. (А то не продержался бы долго на такой должности – разорился бы на фиг!) Быстро заметил второй золотой кружок в ладони Анвара. Вот и поведал об истории славного города – в задней комнате караван-сарая, куда увёл шахзоде. Да тоже – за пиалой ароматного чая.

– Город у нас, о путешественник из дальних краёв, непростой. С богатым прошлым, и волшебным настоящим... Другого такого нет на всём белом свете. Да и раньше-то, поди, другого такого поискать на всём ближнем Востоке! Были у нас и самые цветистые сады, и самые плодородные поля вокруг. И полноводные арыки с чистейшей питьевой водой – подведённые с горных ручьёв да рек. И базар прямо ломился от даров этих самых полей и садов. А уж мастера наши – что кузнецы, что чеканщики, что резчики по дереву!.. О-о! Но...

Но поссорился как-то наш Падишах с соседом – и глупо так поссорился.

Из-за дочери соседа. Ну вот не захотел наследный шахзоде Махмудбек жениться на такой, как он её сгоряча назвал, дочери верблюдицы!

Оскорбление царского достоинства, словом!..

А сосед, понимая, что силой оружия он ничего не сделает, (ну, побольше войско-то было у нашего падишаха Аббаса, отца порывистого Махмудбека) призвал из земель заморских мага

могущественного – кхатайца одного! А тот, не будь дураком, как раз и потребовал в уплату – ту самую «дочь верблюдицы» себе в жёны...

Ну, падишах тот чуть на стену не полез! Отдать плебею какому-то чужеродному – дочь его любимой жены! Прекрасную (Это он так считал!) Аминочку!.. Но уж больно обидным показалось ему оскорбление от сына соседа – подумав пару дней, согласился.

И вот три дня и три ночи бушевала невиданная буря песчаная!

Занесло наш город. Занесло со всеми его минаретами, улицами, дворцами да караван-сараями. И никто ведь из города выбраться не смог – чтоб на подмогу позвать каких-нибудь других магов. Так песок всех жителей и поглотил...

И намело такую его гору над нашим городом, что провалилась она под собственной тяжестью в тартарары! И вывернулся тогда словно вверх дном наш город любимый, и улетел песок прямо в небо – как улетел бы он в пропасть бездонную. И не стало нам пути назад. Только могущество великого Борбасса нашего поддерживает всё же крохотный мостик меж двумя мирами – нашим, и тем, что наверху остался... И не пройти по тому мосту человеку простому!

Не пройти без очень сильного желания!

Того желания, что сильней страха смерти!

И вот, уважаемый «гость из дальних земель», знай: ты – первый за последние два века *живой* человек, что я встретил здесь. И не пытайся отрицать, – увидев, что шахзоде поднял руку, и мотает головой, пытаясь возразить, почтенный каравансарай-боши ехидно этак усмехнулся в седые усы, – Уж я-то вижу, что за тобой... Остаётся ТЕНЬ!

Ни у кого из наших, городских, здесь её нет. Так что хорошо, что ты умён, о путешественник, и не попёр, словно самовлюблённый тупой баран, прямо к Падишаху Борбасбеку, как делали предыдущие пришельцы-шахзоде... А оказался готов послушать простого, пусть и многоречивого, старика – какавансарай-боши.

Тебе пригодятся мои советы. Ох, пригодятся!

Советы Анвар слушал, затаив дыхание – понимал, что именно этого ему и не хватает для успешного преодоления преград и ловушек!

Знания!

Знания местных условий и нравов. Традиций. Обычаев. И, разумеется, характера правителя... Который простому смертному дочь уж точно не отдаст.

Думал при этом шахзоде только об одном: хватит ли у него силы, ума и хитрости преодолеть или обойти ловушки-преграды, и смелости – встретиться лицом к лицу с Борбассом, отцом его возлюбленной...

Так что ничего из рассказанного не пропустил Анвар мимо ушей!

Ко дворцу повелителя Города Теней пошёл шахзоде только утром. Выспавшись как следует, да обдумав много раз то, что услышал от почтенного хозяина каравансарая.

Вот приходит он к воротам Дворца, а там – Стража. Первая, стало быть, преграда на пути его. Говорит тогда Анвар, сын Иброхимбека:

– Во имя Аллаха милостивого и милосердного, я, человек из Верхнего Мира, приказываю вам! Станьте тем, чем и положено вам быть: прахом земным!

И рассыпались тут в прах все стражники Дворца – а было их немало! – рассыпались потому, что только сила заклятия, наложенного кхатайским магом, и удерживала от этого их столетия назад истлевшие тела!..

Двинулся дальше вглубь дворца шахзоде. Смотрит – из боковой комнаты выползает – ни много ни мало! – огнедышащий дракон. И сердито так когтистой лапой пол царапает мозаичный, да клубы дыма из ноздрей выпускает... Не рад гостю, похоже.

Говорит тогда ему Анвар:

– Здравствуй, уважаемый дракон! Может, разойдёмся миром? Потому что больше жизни люблю я ту, что спрятана в этом дворце! И хочу получить прекрасную Камиллу, дочь падишаха Борбасбека! Так что пройду я тебя, даже если мне придётся такого уважаемого дракона убить для этого. Вот и спрашиваю: может, дашь пройти влюблённому?

– Не дам, хоть и уважительны и разумны твои слова, шахзоде. Сердцем я отлично понимаю тебя – сам женат! – но не могу дать тебе пройти, пока жив! Потому что любовь-любовью, а не пускать к Пери таких как ты – моя работа. И делать её я привык на совесть.

– Что ж. Понял я тебя, уважаемый дракон. Извини ещё раз, но придётся в таком случае убить тебя! – обнажил шахзоде Анвар тут саблю свою верную, да щит снял со спины – прикрыл им плечо левое.

И вовремя! Потому что как раз пустил дракон струю пламени обжигающего!

И убедился тут шахзоде, что тени-то – теньями... А жжётся огонь драконий – почище, чем раскалённое масло! Хорошо хоть – успел броситься на пол, да перекатиться!..

Недолго они бились. Потому что быстр и ловок был шахзоде: недаром тренировался в фехтовальном зале по полдня, да на охотах-стрельбищах не халтурил, и поблажек себе не делал: чтоб выносливость-то приобрести. Загонял он несчастного дракона по залу-то приёвному – так, что ни одного целого ковра не осталось на стенах от потоков пламени, да пол наполнил теперь больше котлован для строительства минарета, чем полированную мозаику...

Не успевал уж дракон голову на чешуйчатой шее поворачивать за быстро мечущимся туда-сюда неуловимым комком плоти, да поднял голову к потолку сводчатому, чтобы диким рёвом выразить разочарование своё! Подпрыгнул тут высоко шахзоде, да и оказался прямо на спине дракона.

Сверкнула сталь, и покатила на пол голова отрубленная...

Но не возрадовался Анвар, а покачал в сожалении головой:

– Прости, преданный слуга Борбасса, что убил тебя, как и обещал. Прощения прошу и у жены твоей, и деток ваших, драконят, что пришлось их сиротами оставить.

Ничего не ответила голова отрубленная, хоть взор её и был обращён на шахзоде. Лишь загадочно-хитро ухмыльнулась, да подморгнула глазом чёрным... И что-то показалось знакомым Анвару в этом подмигивании – вот точно так же подмигивал ему хозяин каравансарая, рассказывая о преградах да ловушках Дворца...

Тряхнув головой разгорячённой, чтоб отогнатьлезшие вдруг странные мысли, вытер Анвар саблю о кожу чешуйчатую, да в ножны вложил. Знал, что дальше она не понадобится – дальше по плану Борбасса он должен Лабиринт преодолеть.

Но свои планы имелись у шахзоде. О том, что ему – преодолевать, а что – можно и обойти. Потому что гордость, не позволявшая другим претендентам попросту избегать преград, и заставлявшая высокородных амбициозных наследников тронов чванливо-прямолинейно переть вперёд, словно, вот именно – бараны – здесь была неуместна.

И вот ловко забрался юноша по карнизам да выступам к потолку резному-лепному, да выбрался в верхнее окно, выбив раму с узорчатым цветным витражом стеклянным.

Путешествие по крышам да куполам комнат разных, конечно, не столь удобно, как хождение по ровному полу, но недаром Анвар и по горам приучился ходить – куда там козлам горным!

Добрался до центрального, самого большого, купола. Где тронный зал, стало быть, у Борбасса находился. Выбил и тут раму с витражом. Прыгнул на люстру, большую и тяжёлую. Раскачал её. Да допрыгнул до ковра огромного на стене ближайшей. Вонзил приготовленный кинжал в кромку верхнюю, и крепко держа его, вниз и съехал, оставив за собой след разрезанной шерсти златотканой.

Развернулся к трону помпезно-золотому.

Поклонился низко, но с достоинством – отпрыск царского рода всё-таки. Нужно и потенциальному тестю уважение оказать, и своего отца не опозорить...

– Здравствуй, о Борбасс великий, повелитель Города Теней! Я – шахзоде Анвар, сын падишаха Иброхимбека. Извини за столь странное появление пред твои очи, но не хотел я сутками блуждать по тёмным закоулкам, да крыс с шакалами в подземельях заплесневелых рубить. Вот и пробрался сюда по крышам.

Падишах Борбасбек смотрел на шахзоде с интересом. Видно было остроглазому и наблюдательному Анвару его глаза. И читал он в них, что не слишком сердится Отец Камиллы на разбившего окна с драгоценными панно, да порезавшего ковёр златотканый, шахзоде. Но – не улыбнулся хозяин гостю. На приветствие не ответил. Сказал:

– Ведомо мне, зачем ты здесь, шахзоде. Рассказала о вашей встрече дочь моя любимая. Не могу сказать, что меня сильно привлекает возможность породниться с родом человеческим, смертным... Однако по желанию Камиллы дам я тебе шанс. Попробуй добиться руки её. Последнее препятствие тебе осталось. Но – самое сложное.

Я.

Ответишь верно на три мои вопроса – получишь дочь мою в жёны. Не ответишь – уж не обессудь. Казнят тебя.

И верно – из четырёх входов с резными шикарными дверьми вдруг потянулись, и замкнули кольцо вокруг шахзоде, не меньше пятидесяти стражей. Самого свирепого вида, в кольчугах, да с луками натянутыми, да ростом – каждый на голову выше Анвара. Не иначе – из провинции Джаллалабад, как подумалось невольно шахзоде...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.